

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ
И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР
БОЛЬШОГО АЛТАЯ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*Материалы
II Международного алтаистического форума*

30 сентября — 3 октября 2021 г.
Барнаул — Горно-Алтайск

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)2-9я431
Т 985

Сборник материалов подготовлен в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Ответственный редактор

С.В. Землюков, доктор юридических наук, профессор,
президент Алтайского государственного университета,
руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»

Редакционная коллегия

А.А. Васильев, д-р юрид. наук, профессор АлтГУ
С.П. Грушин, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
П.К. Дашковский, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
А.В. Ковалева, д-р социол. наук, профессор АлтГУ
Ю.А. Лысенко, д-р ист. наук, профессор АлтГУ
И.В. Октябрьская, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН
И.В. Анисимова, канд. ист. наук, доцент АлтГУ
О.А. Латышева, канд. с.-х. наук, доцент АлтГУ
И.И. Назаров, канд. ист. наук, доцент АлтГУ
Е.В. Понькина, канд. техн. наук, доцент АлтГУ
С.Б. Сарбашева, канд. филол. наук, доцент ГАГУ

Т 985 Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность : материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул — Горно-Алтайск, 30 сентября — 3 октября 2021 г. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. — 504 с.

ISBN 978-5-7904-2597-4

В сборнике представлены научные материалы II Международного алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность», который состоялся 30 сентября — 3 октября 2021 г. на базе Алтайского государственного университета и Горно-Алтайского государственного университета. Целью II форума являлась консолидация ведущих научных школ и экспертов России, стран Большого Алтая и Центральной Азии в области изучения алтаистики и тюркологии; обсуждение научно-экспертным сообществом историко-цивилизационного наследия славянских и тюрко-монгольских народов. В представленном сборнике рассматриваются актуальные вопросы алтаистики: этнополитическая история, археология и этнография народов Большого Алтая, религиозное мировоззрение и развитие языков тюрко-монгольских народов, сохранение историко-культурного наследия Большого Алтая и Центральной Азии, факторы устойчивого развития и особенности формирования медиапространства данного региона.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами алтаистики.

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)2-9я431

ISBN 978-5-7904-2597-4

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2021

6. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. — 392 с.
7. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. — Л.: Наука, 1980. — 140 с.
8. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 292 с.

Сведения об авторах:

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: khudjakov@mail.ru

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия). E-mail: aborisenko2@mail.ru

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЙ МИР СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Л.И. Шерстова

Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. ББ97АА00002)

Евразийская концепция как теоретическое обобщение опыта изучения длительных и разновременных контактов тюркских и русской (славянской) общностей в Северной Евразии позволяет делать вывод о том, что в результате взаимодействий произошло не только накопление общих этнокультурных элементов, но и осознание некой цельности тюркского и русского миров, к пониманию их цивилизационных отличий. Однако этнокультурная граница между ними была размытой и во многом поддерживалась за счет конфессиональных различий, что в совокупности с административными и социально-политическими факторами стимулировало разнонаправленные этнические процессы, приведшие как к формированию современных тюркоязычных народов, так и к включению их части в состав русских сибиряков.

THE SIBERIAN TURKIC-SPEAKING PEOPLE IN CONTEXT OF THE EURASIANISM CONCEPT

L.I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk (Russia)

The Eurasianism concept is a theoretical generalization of long and diachronous contacts of Turkic-speaking peoples and Russians (Slavs) in northern Eurasia. A conclusion may be done that the result of such interaction was not only the accumulation of common ethnic cultural elements, but also the understanding of integrity of Turkic and Russian worlds along with the differences between them. The ethno cultural border between the communities was diffused and was supported often by the confessional differences only. In conjunction with the administrative and sociopolitical factors it stimulated multidirectional ethnic processes. The processes resulted in both formation of modern Turkic peoples and inclusion of some of them into Russian Siberians

Осмысление исторического развития человечества и отдельных народов с библейских времен и античности является краеугольным камнем человеческого познания, ориентиром определения его целей и нравственных начал. Особую актуальность эта проблема приобретает в ходе разрушения прежних и становления новых цивилизаций, распыления и сложения новых народов, гибели и формирования государств. Естественной является попытка каждого народа представить собственную версию своего исторического пути, порой навязывая ее другим сообществам. Понятно, что все современные теории исторического развития не могут дать исчерпывающий ответ, объясняющий ход мировой истории, в лучшем случае они более-менее достоверно описывают этапы развития собственного народа и государства. Такие теории вряд ли без существенной корректировки могут использоваться для понимания исторических процессов в других регионах мира, применительно к иным народам и цивилизациям. Придание им универсального характера вводит в заблуждение исследователей и не позволяет делать теоретические обобщения собственных материалов, а попытки под их влиянием «подкорректировать» естественный исторический процесс создают новые проблемы, а порой и тупики в собственном историческом развитии.

Между тем еще в конце XIX в. с идеей о «культурно-исторических типах» выступил Н.Я. Данилевский. Он считал, что, развиваясь, любой народ «развертывает в себе присущую только ему самобытную идею» и формирует оригинальный, только ей присущий «культурно-исторический тип».

В этой стадии идеи «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [2, с. 77–95]. Выделив культурно-исторические типы, Н.Я. Данилевский поставил проблему взаимодействия разных типов культур и цивилизаций.

Теория Н.Я. Данилевского не стала трендом отечественной историографии, но на ее основе концепцию евразийства сформулировали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский. Она послужила основой для оригинального взгляда на отношения между «степью и лесом», русскими и тюркско-монгольскими народами Евразии русскими в трудах Л.Н. Гумилева. Следует также заметить, что концепция Н.Я. Данилевского в своей сути — аналог «цивилизационного подхода» в изучении прошлого, предложенного гораздо позже А. Тойнби. Это была попытка, сохранив идею единства человечества, представить многовариантность его развития, отказавшись от вульгарного эволюционизма с его идеей «цивилизованных и примитивных народов», о культуртрегерской роли первых в историческом прогрессе.

Евразийская концепция предполагает рассмотрение этнокультурных и социально-политических процессов в Северной Евразии как результата длительных и разновременных контактов тюркских и русской (славянской) общностей, как синтез культурных явлений и социально-политических элементов как европейского, так и азиатского происхождения, которые определялись широтными миграциями населения и с Востока на Запад, и с Запада на Восток. Вместе с населением переносились и культурные явления, и социально-политические институты. В результате их синтеза шло формирование общего этнокультурного наследия, в той или иной степени присущее всем современным народам Северной Евразии.

Евразийская концепция позволяет адекватно представить процесс формирования полиэтничного Российского государства, его трансформацию в империю, раскрывает специфику межэтнических коммуникаций, вскрывает механизмы расширения территории на восток, за Урал. Служилым людям, пришедшим в Сибирь, не нужно было заниматься организацией податных институтов — они уже существовали как местные административно-фискальные единицы — улусы, юрты, наслеги, роды, в основе организации которых был не размер территории, а определенное количество людей, само их наличие. Существовавшие кочевые империи Центральной Азии от гуннов до монголов в условиях политической нестабильности и подвижного образа жизни населения выработали своеобразный тип административного устройства, в основе которого лежал принцип самого наличия зависимого населения, которое стремились постоянно увеличивать, подчеркивая, таким образом, значимость и силу правителя.

Сила кочевых империй Центральной Азии напрямую зависела от величины улуса, под которым понималась не столько территория как таковая, сколько «владение, народ, данный в феодалное держание» [3, с. 118]. Центральноазиатский улус — это административное образование, в котором присутствует правящая элита, как правило, возвысившаяся семья, род, этническая группа и зависимое от нее население, также в форме семьи, рода, этнической группы. Поэтому для такого типа социально-политической организации естественно, что улус не мог представлять собой однородное в культурном плане образование, важно было и то, что этническая принадлежность элиты, как правило, была иной, чем большинства населения улуса.

Сибирские материалы показывают, что русские служилые люди верно понимали суть социально-фискальной организации аборигенных обществ, поэтому русские ясачные волости XVII в. образовывались по традиционному для Сибири принципу — они определялись не территорией, которую к тому же было сложно контролировать, а припиской к городу или острогу определенного количества плательщиков ясака. Сибирские материалы показывают механизм «прикрепления» людей: сначала к определенному виду тягла какой-либо группы населения, и только со временем — к территории.

Именно этим обстоятельством объясняется сохранение дорусской этнонимической карты Сибири вплоть до административно-аграрной реформы П.А. Столыпина в начале XX в., когда были ликвидированы инородные управы, а их население вошло в состав крестьянских волостей. При прерывистой традиции письменности, политической нестабильности такие этнонимы, как аба, аз (ач), дубо, вергеж (тюргеш), сеяньто (саянцы), кыргызы, теле (в форме теленгиты, телеуты, телесы) сохранились в Сибири с древнетюркского времени до прихода русских и дали названия ясачным волостям и «землицам», а позже — инородным управам.

С другой стороны, именно стремление «рассеять», «распылить» непокорные народы, разослать их в разные концы улусов правителей привело к тому, что со временем эти осколки некогда крупных этнических общностей становились «строительным материалом» для новых этнических образований, сохраняя при этом свой общий этноним. Так средневековые кипчаки вошли в состав современных

алтайцев, киргизов и казахов, иркиты встречаются у алтайцев, тувинцев, монголов, маймана (найманы) — у алтайцев и казахов и т.д.

Этнонимы, как отражение целостности коллективов, играли важнейшую роль в структурировании тюркоязычных социумов, что отражается в сохранении средневековых этнонимов в качестве уже «родовых» названий в составе современных народов Южной Сибири и Средней Азии. Она помогала сохранить как его внутреннюю целостность, так и способность коллективного встраивания в разнообразные социально-политические системы от Древнетюркских каганатов до Российской империи. Включение фрагментов предыдущих этносов в форме «родов» в разноэтничные новообразования позволяло «родовой» организации быть не столько «пережитком» прошлого, сколько отражением динамичного этноисторического развития тюркоязычных народов. Именно этим объясняется наличие одноименных «родов в составе шорцев и хакасов (карга, шор), шорцев и кумандинцев (чедыбер, челей, тон), алтайцев, теленгитов и телеутов», что было следствием миграций и административных размежеваний в XVII–XIX вв.

Между тем для того чтобы русская власть восприняла такую форму организации общества, было необходимо ее понимание или наличие каких-то аналогичных элементов в устройстве собственно общества. Последнее не вызывает сомнений, поскольку сама московская государственность многое восприняла от Золотой Орды. Монгольская административная система, как отмечал Г.В. Вернадский, была тесно связана с военным делом. Ее распространение на Русь привело к некоторому ее обновлению. Допетровская Русь подразделялась на множество десятков, сотен, тысяч и «тем», т.е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого лежали не размеры территории, а численность подданных — прежде всего, трудоспособных (и боеспособных) мужчин — «ревизских душ» в Российской империи [1, с. 74]. Важным фактором закрепления такой системы стала перепись населения, которую ввели ордынцы.

Второй принцип, который был использован Москвой в отношениях с местным населением, заключался в минимальном вмешательстве русской власти во внутренние дела аборигенного общества, в его социальную структуру, образ жизни. Истоки такой политики кроются также в использовании ордынского опыта. Русское государство, как Китайская империя или Древнетюркские каганаты и империя Чингисхана, формировались как централизованные, но полиэтничные образования. Наряду с основным этносом, который выступал в качестве государствообразующего, проживали и другие народы на землях, которые также были их этнической территорией. В таких аморфных, полиэтничных государствах какие-либо формы насильственной аккультурации со стороны «этноса-элиты» могли оказаться губительными для ее власти, и поэтому от покоренных народов требовались политическая преданность и безусловное выполнение всех указаний при сохранении их внутренней социальной структуры и привычного образа жизни.

Принцип «невмешательства» нашел свое яркое воплощение в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.), согласно которому аборигены имели свои административно-фискальные образования — управы, думы; свое самоуправление, права на земли, «ими обитаемые», запрет на поселения на землях аборигенов без их согласия, у них сохранялись обычное право и свобода вероисповедания.

Кроме того, между инородцами и другими сословиями не существует непреодолимых барьеров: в §13 сказано, что «все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают». В §57 разрешалось инородцам «по собственной их воле вступать в сословие государственных крестьян, равно в городские жители и записываться в гильдии, без всякого ограничения и стеснения и притом с свободой от рекрутства». Таким образом, «Устав» сохранил прежние условия для перманентного этнического подпитывания русского этноса Сибири: переход «инородцев» в «русские» сословия должен был сопровождаться изменениями образа жизни, а значит и всего этнокультурного комплекса, даже если не приводило к биологической ассимиляции.

Сословная структура Московского царства, а затем и Российской империи существенно облегчала формирование полиэтничного сибирского социума, так как в одном сословии сосредотачивались представители разных этнических групп, что облегчало межкультурный диалог и способствовало формированию общего культурного пласта. Показательно формирование служилого сословия Сибири, непременным компонентом которого в XVI в. были представители местной элиты — мурзы, беки Сибирского ханства, чаты, эуштинские татары, телеуты и др., в связи с формированием в XVIII в. сибирского казачества в его состав влились казахи, калмыки, буряты, тунгусы.

Если в XVII в. характер русско-аборигенных отношений определялся ассимиляцией, так как ранняя русская колонизация Сибири имела «мужской» характер и рост числа новых подданных Москвы шел за счет потомков смешанных браков, то с середины XVIII в. в связи с разворачивающейся

ся земледельческой колонизацией степной зоны от Урала до Енисея и ростом числа переселенцев усиливаются русско-аборигенные коммуникации. В начале XX в. целые инородные управы — Быстрянская, Сарасинская, Уймонская Бийского округа, Кумышская Барнаульского округа, Кумышская, Камларская, Шуйская, Боянская Кузнецкого округа, Кумышская, Шуйская, Темерчинская Томского округа в Томской губернии; Мелеская Ачинского округа в Енисейской губернии — к концу XIX в. почти полностью русифицировались. Их население говорило только по-русски, придерживалось русского обихода, исповедовало русское «народное» православие. После упразднения «неприкосновенности» инородческой сословной принадлежности оно целиком, быстро и безболезненно, перетекло в русский этнос.

Однако государственная политика, подкрепленная «Уставом об управлении инородцев», способствовала и обозначению новых очагов конкретных этногенезов сибирских тюрков. В ряде случаев русское административное деление прямо предопределило их этнические территории. Тюркоязычные этносы Сибири начала XX в. не были идентичны тем, с которыми первые русские встретились в начале XVII в. Изменились субстраты и их соотношения; формирование этнических новообразований происходило либо на другой территории, либо на традиционной, но сильно уменьшившейся. Так, заметно «сжалась» в размерах «ойкумена» алтай-кижи — потомков бывших подданных Джунгарского ханства: из нее выпали Рудный и Монгольский Алтай, предгорья. Этнической территорией бачатских телеутов стало не Верхнее Приобье и даже не окрестности Кузнецка, а северо-западные отроги Салаира по рекам Большой и Малый Бачат. Будущие хакасы, потомки кыштымов, занимавших окраины кыргызских княжеств, после увода кыргызов в начале XVIII в. заполнили их опустевшие земли — бассейны Июсов и Абакана с притоками от Кузнецкого Алатау до Саян. Их потенциальная этническая территория не только изменила местоположение, но и заметно расширилась.

Действие крестьянской бытовой культуры, распространение христианства оказались столь мощными, что некоторые формирующиеся тюркские этносы Южной Сибири оперлись на конфессиональный фактор, чтобы упрочить свою слабовыраженную этничность. У барабинских и томских татар ислам подтолкнул этноконсолидационные процессы, противопоставив их на конфессиональном уровне православному массиву. Тесное взаимодействие этнического и конфессионального начал определило этноконфессиональную окраску их складывающегося национального самосознания, а ислам стал ими восприниматься как главный этнический признак. Именно тогда произошло переосмысление термина «татары», который русские, восприняв ордынскую традицию обозначения тюркоязычных подданных, перенесли его на часть сибирских аборигенов (кузнецкие татары, черневые татары, каинские татары, абаканские татары, минусинские татары и т.д.). В начале XX в. татарами стали обозначать только тюркоязычных мусульман. В связи с этим встал вопрос об этнонимике других тюркоязычных народов. Опираясь на лингвистические исследования В. Радлова, уже в советский период национального строительства стали укрепляться такие этнонимы, как шорцы, кумандинцы, тубалары. У сложившегося в начале XX в. этноса алтай-кижи этническое (этноконфессиональное) самосознание оформилось под влиянием эндогенной национальной религии — бурханизма, которая окончательно выделила их из родственного по прочим параметрам теленгитского окружения и жестко противопоставила всем иноэтничным и иноконфессиональным соседям.

После Февральской революции четко обозначился национальный вопрос, решение которого во многом опиралось на предыдущий опыт взаимодействия власти и коренных народов. Постепенно происходит переосмысление сословных прав инородцев, закрепленных в «Уставе об управлении инородцев», в требование национального самоопределения. Не случайно в бурятской, алтайской, хакасской, якутской программах национального строительства содержались многие переосмысленные в новых политических условиях его положения: инородческое (национальное) самоуправление, этническая обособленность населенных пунктов, неотъемлемое право на свои земли и т.д. Следует заметить, что такие требования выдвигались теми тюркоязычными народами Сибири, у которых уже в составе Российского государства завершались процессы этнической консолидации и у которых сформировалась национальная элита, способная выразить национальные запросы своих народов. Но и она была подготовлена в ходе развития миссионерского дела и образования, а ее мировоззрение складывалось под влиянием русской интеллигенции Сибири.

Можно констатировать, что положение тюркоязычных народов Сибири в составе Российского государства, их статус, их этническое и политическое развитие во многом определялось общим культурным и социально-политическим наследием древних и средневековых народов Северной Евразии, наследниками которых были не только они, но и русские служилые люди, промышленники, крестьяне. Дальнейшее их развитие протекало в рамках российской государственности. Поэтому в Сибири

не существовало объективных условий для жесткой этнокультурной оппозиции, а наличие мощного русифицированного массива от Урала до Енисея размывало границы тюркского и русского мира.

Литература

1. Вернадский Г.В. Русская история. — М., 1997. — 544 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — СПб., 1996. — 389 с.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973. — 270 с.

Сведения об авторе:

Шерстова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru

ЭПИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Д.А. Функ^{1,2}

¹Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

EPIC TRADITIONS OF THE PEOPLES OF THE GREAT ALTAI: IN SEARCH OF NEW APPROACHES TO THE STUDY OF CULTURAL RELATIONSHIPS

D.A. Funk^{1,2}

¹Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow (Russia)

²Altai State University, Barnaul (Russia)

При обсуждении феномена культурных взаимосвязей (при всех сомнениях в отношении операциональности термина «культура») тюркских и монгольских народов обращение к их эпическим традициям происходит не столь часто, а если и происходит такое, то это, к сожалению, делается по большей части без претензий на массовость и представительность материала. Мне уже приходилось подробно оговаривать это ранее [1].

В значительном числе случаев такое положение объясняется тем, что для целого ряда этнических групп, если не сказать, что для всех, в распоряжении исследователей имеются лишь единичные публикации текстов героического эпоса, так сказать, «лучших образцов». Даже если число их приближается к нескольким десяткам, как в случае, скажем, с алтайским эпосом, этого все равно чрезвычайно мало для полноценного анализа. Есть основания полагать, что в эпических текстах, равно как и в манере их исполнения, прослеживались этническая, региональная, а в ряде случаев клановая или даже семейная специфика. Но как часто мы можем говорить о том, что в нашем распоряжении есть практически весь репертуар того или иного сказителя или той или иной сказительской школы? Почти в 100% случаев перед нами лишь крохи того богатства, которое мы теряли и продолжаем терять буквально на глазах. Это один-два текста в записи от одного сказителя из такого-то района, еще пара записей — из другого, и редко когда чуть больше. Исключений — единицы, да и этот материал по большей части не опубликован и является достоянием государственных и частных архивов.

Так о каком же изучении культурных взаимосвязей можно говорить, если у нас нет полной картины того феномена, о котором мы хотим рассуждать?

Попытку изменить ситуацию в отношении пока лишь одной эпической традиции, а именно шорской (шорцы — один из малочисленных тюркских народов на юге Западной Сибири), мы с коллегами предприняли на базе Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН. Это проект «Корпусы ИЭА РАН» (<https://corpora.iea.ras.ru/corpora/>), инициированный мной ровно 10 лет тому назад. Проект создания корпуса текстов на языках малочисленных народов Сибири реализуется с 2011 г. В 2011–2014 гг. он выполнялся в рамках программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика» сотрудниками и аспирантами отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. С 2017 г. реализация его продолжалась в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», выполнявшегося на базе Томского государственного университета (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014).

Основной целью проекта является создание общедоступного электронного корпуса фольклорных материалов с возможностью: